

БЪЛГРАДЪ.

(Путевые наброски).

Но дорогѣ изъ Софіи въ Бѣлградѣ, куда ни взглянешь, кругомъ горы. Желѣзнодорожный путь все время идетъ зигзагами. Иногда раздается гулкій грохотъ: это поѣздъ проѣзжаетъ туннель.

Луна свѣтитъ довольно ярко и я имѣю возможность созерцать пробѣгающія передо мной новыя мѣста. Удивительное дѣло! Когда въ вагонѣ мѣста всѣ заняты и протянуться негдѣ, тогда страшно хочется спать. А вотъ теперь я ѣхалъ совершенно одинъ въ купе, имѣлъ полную возможность протянуться... и сна нѣтъ. Любуюсь суровыми видами Западныхъ Балканъ.

Но вотъ Царибродъ—последняя болгарская станція. Черезъ 15—20 минутъ мы были уже въ Сербіи.

Ко мнѣ въ купе явился сербскій таможенный солдатикъ, который упорно искалъ въ моемъ чемоданѣ табакъ и папиросы, несмотря на мои увѣренія, что я—человѣкъ некурящій.

Вотъ замелькали череничныя крыши домовъ Пирота, города, извѣстнаго выдѣлкой различныхъ кустарныхъ издѣлій и ковровъ.

Въ 1885 г. здѣсь былъ бой между болгарами и сербами, которыхъ травнили въ эту авантюру милые друзья славянъ—австрійцы.

Горный ландшафтъ теперь оживился серебряными водами рѣчки Нишавы, протекающей вблизи желѣзнодорожнаго пути.

Начало разсвѣтатъ. Мы приближались къ старинному сербскому городу Нишу. Горы замѣтно понижаются. Нишъ весь утопаетъ въ садахъ.

По платформѣ разгуливаютъ сербскіе жандармы въ синихъ мундирахъ съ розовыми погонами и таковыми же околышами на фуражкахъ. Покрой обмундированія очень схожъ съ нашимъ.

Тутъ же разгуливаютъ нѣсколько солдатъ въ колпакообразныхъ шапкахъ съ вдавленнымъ дномъ.

Отъ Ниша дорога шла широкой долиной.

У станціи Алексинацъ вагонетки подвѣсной желѣзной дороги двигались взадъ и впередъ отъ завода, виднѣвшагося вдаль у подошвы горы. У станціи Ягодинъ—большой цементный заводъ. Далѣе почти на всѣхъ станціяхъ—цѣлыя груды свекловицы. Въ открытыхъ вагонахъ, на грузовыхъ платформахъ, на землѣ, между рельсами, словомъ, вездѣ вся площадь станцій была усыяна свекловицей. Точно свекловичный градъ выпалъ! Какъ я узналъ, вся эта свекловица отправляется на Бѣлградскій сахарный заводъ.

Ѣдемъ теперь долиной р. Моравы. Вдали на сѣверѣ виднѣются силуэты Голубиныхъ и Черныхъ горъ.

Иногда поѣздъ пролетаетъ между отвѣсно стоящими каменистыми скалами. Кое-гдѣ виднѣются каменоломни. Вездѣ селенія утопаютъ въ садахъ. Поля засѣяны кукурузой.

Недалеко отъ Бѣлграда начинаемъ проѣзжать сквозь массу туннелей, изъ которыхъ два были настолько длинны, что во всѣхъ вагонахъ зажгли фонари.

Прокатили мимо гористыхъ парковъ: справа Топчидеръ, слѣва Кошутнякъ и черезъ 5—10 минутъ прибыли на Бѣлградскій вокзалъ.

Видно, всѣ сербскія желѣзныя дороги строили австрійскіе и венгерскіе инженеры. Сигнализація—вездѣ по австрійскому образцу; паровозы—съ венгерскаго завода въ Арадѣ; вагоны—австрійскихъ и венгерскихъ заводовъ.

Болгарія, та австрійскихъ рукъ уже давно не подпускаетъ къ своей промышленности и желѣзныя дороги тамъ строить... нѣмцы. Паровозы—нѣмецкіе, вагоны—тоже.

Съ такими печальными мыслями я вступилъ въ Бѣлградъ (по-сербски пишется Београдъ).

Первыя впечатлѣнія не важны: улицы плохо вымощены и грязны.

Остановился я въ «Hôtel de Paris», старой гостиницѣ, которая здѣсь пользуется хорошей репутаціей.

Опять старая исторія! По-русски понимаютъ очень плохо, а по-нѣмецки—свободно. О славяне, славяне!...

Не знаю, анекдотъ это или фактъ, но мнѣ рассказывалъ одинъ консулъ, что на какомъ-то славянскомъ съѣздѣ члены его долго не могли столкнуться между собой изъ-за различія въ нарѣчіяхъ. И когда предѣдатель съѣзда предложилъ разговаривать на болѣе всѣмъ понятномъ нарѣчіи, то всѣ сейчасъ же заговорили... по-нѣмецки, продолжая съ пѣной у рта защищать славянскіе интересы на языкѣ германцевъ.

Въ номерѣ у кнопки звонка виситъ табличка и на ней обозначено:

До собаряцы.	1
До собногъ келнера.	2
До портира	3
Момка, што чисти обучи и одѣло	4

Русскими буквами написанное, конечно, легко разобрать и понять, но если бы я эту же табличку изобразилъ сербскимъ алфавитомъ, состоящимъ изъ смѣшанныхъ буквъ русскихъ, латинскихъ и кириллицы, то прежде, чѣмъ точно уразумѣть эту таблицу, надо подумать долгое время. Висящія рядомъ таблички на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ помогаютъ быстро разобрать эти сербскія надписи.

Часъ былъ обѣденный. Я пообѣдалъ внизу въ ресторанѣ, гдѣ кормятъ очень хорошо и очень дешево, но опять-таки по-русски ни слова не понимаютъ.

Хотя я не спалъ всю ночь, но все же мнѣ хотѣлось использовать вторую половину дня, прогулявшись куда-либо за городъ. Какъ на самую ближайшую и красивѣйшую мѣстность мнѣ указали на паркъ Топчидеръ.

Сѣлъ въ вагонъ, на которомъ красовалась надпись: «трамвай града Београда» и за 20 пара (сантимовъ) въ полчаса докатилъ до Топчидера.

Если вамъ приходилось когда-нибудь видѣть большой запущенный паркъ старинной дворянской усадьбы, гдѣ давнымъ давно не-

рестали заботиться о благоустройствѣ, то мнѣ совершенно не нужно описывать запущенныя красоты Топчидера.

Грустно смотрѣть на вѣковыя деревья, о которыхъ никто не заботится, и на почернѣвшія статуи и колонны, поросшія мохомъ. Дорожки и аллеи давно уже не выравнивались и ходить по нимъ не безопасно: на нѣкоторыхъ мѣстахъ можно свихнуть ногу. Но воздухъ здѣсь—дивный.

Сосѣдній горный паркъ Кошутнякъ, гдѣ въ 1868 г. былъ убитъ князь Михаилъ Обреновичъ, находится въ совершенно дикомъ состояніи.

Послѣ прогулки я сидѣлъ въ кафе, около трамвайной станціи. Невдалекѣ по аллеѣ взадъ и впередъ носился галопомъ на росломъ рыжемъ конѣ юнкеръ въ красныхъ рейтузахъ.

Затѣмъ въ кафе явился офицеръ въ ослѣпительно красныхъ длинныхъ брюкахъ, синей курткѣ австрійскаго покроя и фуражкѣ съ синимъ околышемъ и огненно-краснымъ верхомъ.

Сѣлъ за столикъ и потребовалъ, точно нѣмецъ, пива.

Вслѣдъ за офицеромъ явилась большая компанія штатскихъ съ дамами. Потомъ появились офицеры въ курткахъ, шароварахъ и фуражкахъ защитнаго цвѣта. Воротники бархатные всевозможныхъ цвѣтовъ; вездѣ, гдѣ только можно, нашиты кантики на курткахъ.

Все это были первыя ласточки, за которыми потянулись бѣлградскіе жители, желающіе провести теплый осенній вечеръ за городомъ.

На слѣдующее утро я отправился въ Народный музей. Около университета я остановился, заинтересовавшись типами сербскихъ студентовъ. Все смуглые брюнеты съ большими носами. Въ чертахъ лица—что-то восточное.

Народный музей помѣщается рядомъ съ университетомъ, въ двухъ простыхъ каменныхъ двухъэтажныхъ домахъ.

Въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ—масса предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ бывшей здѣсь когда-то римской колоніи. Статуи, вазы, утварь, инструменты, монеты—все это для любителя археологіи чрезвычайно интересно.

Въ верхнемъ этажѣ—картины: коніи старыхъ мастеровъ и оригиналы сербскихъ художниковъ. На многихъ картинахъ увѣковѣчены эпизоды турецкаго владычества и борьбы за освобожденіе. Тутъ есть небольшая аллегорическая картина: мать, оплакивающая свое погибшее въ рѣкѣ дитя. Надзиратель музея, удостоившись, что я—дѣйствительно славянинъ, пояснилъ мнѣ

аллегорію. Мать — славянство; дитя — Боснія и Герцеговина, попавшія въ австрійскія руки.

Въ одномъ изъ залъ висѣли большіе портреты всѣхъ сербскихъ князей и королей. Не видно было только Милана, Александра и Драги. На мой вопросъ, почему же ихъ нѣтъ, надзиратель заплевалъ и выругался. Затѣмъ, подумавъ немного, изъ какой-то кладовой вытащилъ два портрета. Послѣ убійства Александра и Драги, комитетъ музея, вѣроятно, рѣшилъ снять ихъ портреты и поставить въ чуланъ. А короля Милана, кажется, куда-то на чердакъ забросили. Вообще эти лица здѣсь не въ почетѣ.

Въ другомъ зданіи музея въ нижнемъ этажѣ хранится старинная мебель князя Милоша Обреновича. Затѣмъ здѣсь имѣется комната, обставленная вещами, оставшимися послѣ смерти этого князя. Простая желѣзная кровать, столы, простые стулья; нѣсколько картинъ военнаго содержанія, походные ларцы да маленькій походный самоваръ — вотъ и вся незатѣйливая обстановка.

Въ верхнемъ этажѣ портреты сербскихъ князей и выдающихся дѣятелей, одежды, мундиры, старинныя посуда и оружіе. Между прочими портретами здѣсь виситъ портретъ нынѣшняго короля Петра, изображеннаго 6—7-лѣтнимъ мальчикомъ.

Наскоро пообѣдавъ, я отправился обозрѣвать городской паркъ Калемегданъ и «старую» (какъ ее здѣсь называютъ) цитадель.

Паркъ расположенъ на высокой горѣ, какъ разъ у самаго слиянія р. Савы съ Дунаемъ. Вотъ этотъ паркъ содержится хорошо. На площадкахъ красуются бюсты сербскихъ поэтовъ и ученыхъ. Аллеи утрамбованы и вычищены. Словомъ — полная противоположность парку Топчидеру.

Съ южной опушки Калемегдана открывается чудный видъ на Дунай, Саву и сосѣдній венгерскій городъ Землинъ (Zimony). По ту сторону Савы зеленѣетъ громадный лугъ; Дунай течетъ нѣсколькими рукавами, огибая 2—3 острова; въ 2—3 километрахъ виднѣются высокія башни Землинскаго католическаго собора и черепичныя красныя крыши домовъ; по длинному желѣзнодорожному мосту черезъ Саву тянется длинный товарный поѣздъ, идущій изъ Венгріи въ Сербію. На югѣ виднѣются сѣрые силуэты горъ.

Удивительно странныя бывають положенія! Столица Сербіи лежитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ венгерскимъ городомъ. Стоитъ лишь только перейти желѣзнодорожный мостъ черезъ Саву...

Въ 1909 г. австрійская рука уже протянулась къ Сербіи. Въ Землинѣ были сосредоточены значительныя войсковыя части австрійцевъ; по Дунаю крейсировали австрійскія канонерки. Сербскій дворъ и правительственныя учрежденія уже готовились уѣзжать въ Нишъ, подальше отъ такого неприятнаго сосѣдства.

А венгерцы до сихъ поръ смотрятъ на Бѣлградъ, какъ на свою собственность, временно находящуюся въ славянскихъ рукахъ. Здѣсь когда-то властвовалъ Гуніади Яношъ и это былъ не Бѣлградъ, а Нандоръ Фейерваръ...

Но вотъ часы въ цитадели пробили пять разъ. Съ 5 часовъ дня разрѣшается допускъ постороннимъ посѣтителемъ.

Пройдя широкія крѣпостныя ворота, мостъ черезъ широкій и глубокой ровъ, затѣмъ опять ворота, я вышелъ на узкую улицу, застроенную по обѣимъ сторонамъ старинными казематообразными зданіями. Еще ворота—и я очутился на обширномъ плацу, въ лѣвомъ углу котораго былъ разбитъ небольшой скверъ, окруженный гирляндой старыхъ пушекъ.

На плацу полное безлюдье. Не у кого спросить о томъ, гдѣ здѣсь военный музей и какой-то древній колодець, о которомъ я слышалъ массу всевозможныхъ легендъ.

Наконецъ, на плацу появилась фигура какого-то солдатика, къ которому я и устремился за справками.

На мое счастье это былъ музыкантъ, съ грѣхомъ пополамъ понимающій по-русски. Онъ съ гордостью объявилъ мнѣ, что былъ въ Одессѣ, и затѣмъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ военный музей и «римскій бунаръ» — это названіе знаменитаго колодца.

Военный музей—простое, низкое, шестиугольное деревянное зданіе. У входа стоятъ двѣ митральезы и двѣ пушки, но двери музея оказались заперты. Долго мнѣ пришлось ждать, пока мой музыкантъ и присоединившійся къ нему денщикъ какого-то отсутствующаго офицера отыскивали завѣдующаго музеемъ.

Часовой, стоявшій противъ музея, съ удивленіемъ поглядывалъ на меня, ожидающаго терпѣливо у дверей.

Должно быть рѣдко здѣсь бываютъ посѣтители!

Наконецъ, мои добровольные проводники привели какого-то штатскаго, который и оказался смотрителемъ музея.

Открыли дверь и я могъ приступить къ осмотру. Доступъ свѣту въ музей открытъ только черезъ маленькія окна верхняго купола и потому здѣсь довольно темно.

Въ музеѣ собраны знамена всѣхъ баталіоновъ и дружинъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1876 г. Старинные ружья, ятаганы, сабли и кинжалы развѣшаны по стѣнамъ. Ручныя горныя пушки, деревянный щитъ какого-то турецкаго султана, масса старыхъ небольшихъ пушекъ и всевозможныхъ артилерійскихъ снарядовъ занимають середину музея.

Въ одной изъ витринъ выставлены модели орудій, военныхъ повозокъ и образцы сербскихъ винтовокъ. Въ другой витринѣ красуются головные уборы сербскихъ князей и королей и цѣлая коллекція русскихъ эполетъ.

Около витринъ стоитъ подарокъ, поднесенный когда-то королю Александру Обреновичу,—рѣзная по дубу фигура орла съ распростертыми крыльями, сидящая на довольно объемистомъ пнѣ; подъ орломъ разставлены фотографическія карточки офицеровъ. Никакихъ датъ и надписей на этомъ сооруженіи нѣтъ и, какъ смотритель ни старался объяснить мнѣ происхождение этого подарка, я изъ его объясненій ровно ничего не понялъ.

Въ музеѣ выставлена модель памятника Милошу Обреновичу, который сербы предполагали открыть въ этомъ году. Памятникъ въ видѣ пьедестала съ бюстомъ князя наверху, а у подножія группа—сербъ, повергающій турка.

Въ этомъ маленькомъ музеѣ все очень просто и доступно: не только разрѣшается трогать предметы руками, но даже—поднимать ихъ для осмотра и переставлять съ мѣста на мѣсто.

Теперь, послѣ побѣдоносной войны, сербы значительно пополнили свои трофеи и, мнѣ кажется, Бѣлградскій военный музей долженъ перейти изъ своего тѣснаго деревяннаго помѣщенія въ специально построенное зданіе.

Осмотрѣвъ музей, я направился къ «римскому бунару». Пройдя небольшой внутренній дворъ, на которомъ что-то копали арестанты, я спустился по широкой каменной лѣстницѣ въ преддверіе этого колодца. Большое сводчатое помѣщеніе, у стѣнъ котораго стоитъ нѣсколько древнихъ обломанныхъ статуй и плитъ. У входа красовалось объявленіе, напечатанное по-сербски, по-нѣмецки и по-французски, въ которомъ предлагалось желающимъ осмотрѣть колодець уплачивать по 20 пара (сантимовъ) съ персоны за освѣщеніе и проводника.

Солдатикъ-проводникъ зажегъ два большихъ фонаря со стеариновыми огарками, одинъ фонарь вручилъ мнѣ, а съ другимъ

отправился впередъ показывать дорогу. Мои случайные попутчики, музыкантъ и денщикъ, послѣдовали за мной.

Сначала мы шли по широкому коридору, полъ котораго съ каждымъ шагомъ замѣтно понижался, затѣмъ нашъ проводникъ юркнулъ въ какую-то темную нишу. Мы послѣдовали за нимъ и зашагали внизъ по безконечнымъ каменнымъ ступенямъ лѣстницы, которая шла винтомъ между двухъ каменныхъ стѣнъ, сложенныхъ частью изъ кирпича, частью изъ большихъ каменныхъ глыбъ.

На наружной стѣнѣ черезъ каждыя 8—10 ступеней попадались ниши; на внутренней зіяли большія окна. Въ окнахъ этихъ—тьма кромѣшная. Остановившись у одного изъ оконъ, я заглянулъ туда.

Темно... Густая, черная мгла и больше ничего.

Проводникъ закивалъ головой и замахалъ фонаремъ, приглашая слѣдовать далѣе. Снова мы зашагали внизъ по этому безконечному каменному винту. На стѣнахъ и сводахъ показались капли воды; на нѣкоторыхъ ступеняхъ стояли цѣлыя лужи. Воздухъ становился тяжелѣе. Наши фонари давали очень скудный свѣтъ въ этомъ подземельѣ, гдѣ царилъ вѣчный мракъ. Я насчиталъ уже сотую ступень и, наконецъ, сбился со счета. Когда же наконецъ мы дойдемъ до конца? Огарки въ фонаряхъ очень маленькіе и думается мнѣ, что останемся мы здѣсь во тьмѣ кромѣшной и будемъ блуждать безъ конца...

Въ этомъ мрачномъ вмѣстилищѣ лѣзутъ въ голову всякія мысли... Вдругъ какой-нибудь сводъ, не выдержавъ тяжести вѣковъ, обрушится и закроетъ намъ обратный выходъ...

Подъ ногами лужи, со сводовъ капаетъ вода. Сырость и мракъ дѣйствуютъ на нервы, а эхо нашихъ шаговъ глухо слышится подъ сводами. Кажется будто кто-то незримый идетъ намъ навстрѣчу, поднимаясь по лѣстницѣ...

Наконецъ лѣстница кончилась. Пройдя нѣсколько шаговъ въ какомъ-то лабиринтѣ, мой проводникъ остановился у обрыва, если такъ можно выразиться.

Солдатикъ спустилъ фонарь въ открывшееся передъ нами громадное отверстіе. Трудно въ темнотѣ опредѣлить сколько, но мнѣ казалось, что одна или полторы сажени отвѣсной стѣны отдѣляютъ насъ отъ свѣтящейся какимъ-то мрачнымъ, траурнымъ блескомъ, при свѣтѣ нашихъ фонарей, поверхности воды. Бррр... Не желалъ бы я принять ванну въ этомъ чортовомъ водоемѣ.

Колодець этотъ построенъ во времена Траяна, какъ говорятъ

здѣшніе старожилы, и служилъ чѣмъ-то въ родѣ запаснаго резервуара въ крѣпости, построенной римлянами.

Много вѣковъ пережилъ этотъ колодець. Сколько людей погибло при его постройкѣ! Сколько жертвъ онъ поглотилъ въ мрачную эпоху турецкаго владычества. Если бы пошарить на днѣ его глубокихъ водъ, не мало костей человѣческихъ нашлось бы тамъ...

Много мрачныхъ легендъ про этотъ колодець ходитъ въ населеніи Бѣлграда...

Начали обратное восхожденіе отъ тьмы къ свѣту.

Проводникъ объяснилъ, что мы поднимаемся теперь по другой лѣстницѣ. Оказывается кругомъ этого громаднаго каменнаго «сруба» идутъ параллельно другъ другу, винтомъ, двѣ каменные лѣстницы. Опять тѣ же ниши, тѣ же зіяющія окна, въ которыя заглядывать мнѣ уже не хотѣлось.

Наконецъ, выбрались наверхъ, гдѣ я свободно вздохнулъ.

Теперь только я замѣтилъ въ преддверіи колодца на 2 аршина поднимающуюся стѣну—верхнюю часть этого гигантскаго «сруба».

Я попросилъ одного изъ солдатиковъ найти камень побольше. Мнѣ дали обломокъ кирпича фунта въ три вѣсомъ. Подойдя къ стѣнѣ колодца, я перегнулся и бросилъ камень внизъ... разъ... два... три... четыре... пять... раздался рѣзкій звукъ, должно быть камень ударился гдѣ-либо о выступъ... шесть — гулкое эхо плеска и какой-то шипящій стонъ огласили своды и стѣны колодца... затѣмъ все стихло въ этомъ царствѣ мрака.

Я удалялся съ глубокимъ почтеніемъ къ этому гигантскому сооруженію. 18 вѣковъ стоитъ онъ безъ всякихъ ремонтовъ и всѣ своды цѣлы. Ступени истерлись отъ времени, а колодець стоитъ непоколебимо въ нѣдрахъ горы и, Богъ знаетъ, сколько времени онъ еще простоятъ. Сколько туристовъ съ любопытствомъ и безотчетнымъ страхомъ будутъ спускаться по его безконечнымъ лѣстницамъ!

Уже вечерѣло, когда я вышелъ изъ цитадели и, пройдя черезъ паркъ Калемегданъ, пошелъ по «Мірковой», «Коларитшъ» и «Крала Миланова» улицамъ. По пути зашелъ въ нѣкоторые магазины. Товары, большей частью, германской и австрійской выдѣлки. Мѣстныхъ издѣлій, кромѣ ковровъ, да различныхъ вещицъ изъ разноцвѣтнаго стекляруса, почти не видно.

Побродивъ еще по улицамъ Бѣлграда, я отправился въ отель, гдѣ на ужинъ получилъ великолѣпную свѣжую рыбу. Въ ресторанъ этого отеля (Hôtel de Paris) къ 9 часамъ вечера собирается масса

штатской и военной публики. Сидятъ и пьютъ пиво, а въ залѣ въ это время подъ звуки цимбалъ, мандолинъ и еще какихъ-то инструментовъ, въ родѣ гуслей, идетъ кинематографическое бесплатное представление. И дешево, и удобно. Взялъ себѣ кружку пива и наслаждайся цѣлый вечеръ музыкой, кинематографомъ, пивомъ и газетой и все это удовольствіе стоитъ 40 — 50 пара, что на наши деньги будетъ менѣе двугривеннаго.

Третій день пребыванія въ Бѣлградѣ я посвятилъ на осмотръ города.

Возьмите любой изъ нашихъ среднихъ губернскихъ городовъ въ родѣ Чернигова или Воронежа—вотъ вамъ и Бѣлградъ. Мостовыя—довольно скверныя; извозчики—дорогіе; трамваи—грязны и неудобны. Дома, большей частью одно- и двухъ-этажны, чрезвычайно простой архитектуры. Большіе дома, высотой болѣе четырехъ этажей, здѣсь — нанеречетъ. Лучшія зданія Бѣлграда: дворецъ (Новый Конакъ), отель «Москва», офицерское казино, экономическое общество офицеровъ, кредитный банкъ (управа фондова) и нѣкоторые только что отстроенные въ центральныхъ частяхъ города дома.

Самыя оживленныя улицы «Крала Миланова», «Князя Милоша» и идущія отъ Театральной площади къ Калемегдану. На этихъ только улицахъ и замѣтно оживленіе; на остальныхъ же довольно пусто и уныло.

Городской театръ здѣсь маленькій и очень старый. Тутъ же на Театральной площади стоитъ лучшій памятникъ Бѣлграда князю Михаилу Обреновичу.

Въ кафе, или какъ тутъ называютъ «въ кафанѣ», посѣтители появляются, главнымъ образомъ, вечеромъ.

Вообще на улицахъ здѣсь не видно такого оживленія, какъ въ Софіи. Тамъ жизнь кипитъ ключомъ, а здѣсь ходятъ какіе-то сонные.

Но, надо правду сказать, въ жизнь Бѣлграда большое оживленіе вносятъ офицеры. Формы здѣсь довольно цвѣтистыя. Часто можно встрѣтить офицера въ красныхъ «невъразимыхъ» съ черными лампасами. Встрѣчаются и просто «красныя» безъ лампасъ. Всѣ юнкера щеголяютъ въ красныхъ рейтузахъ. Но часто попадаютъ здѣсь офицеры въ мундирахъ и рейтузахъ защитнаго цвѣта. Мундиры австрійскаго покроя и обильно обшиты цвѣтными клапанами и кантиками. Фуражки похожи на наши.

Но солдаты обмундированы неважно. Въ своихъ старыхъ за-

ношенныхъ мундирахъ эти рослые и здоровенные парни производятъ впечатлѣніе какихъ-то хлѣбопековъ или рабочихъ интендантскаго заведенія. Даже часовые у дворца были одѣты довольно небрежно и имѣли не очень бравый видъ въ своихъ старенькихъ мундирахъ.

Австрійцы одно время злорадствовали надъ плохимъ обмундированіемъ сербскихъ солдатъ и авторитетнымъ тономъ заявляли, что сербская армія—никуда не годится.

Но послѣдними побѣдами сербы доказали своимъ « критикамъ », что они даже очень годятся на то, чтобы расколотить, когда нужно, врага...

Дипломаты, обитающіе въ Бѣлградѣ, жалуются на пыль, грязь и прочія неудобства. Въ случаѣ устройства какихъ-либо раутовъ или обѣдовъ наиболѣе изысканную провизию приходится выписывать изъ Будапешта или Фіумэ.

Много еще придется поработать сербамъ надъ благоустройствомъ своей столицы. Надо правду сказать, Бѣлградъ расположенъ очень красиво на высокомъ берегу при слияніи широкихъ и многоводныхъ Дуная и Савы; высокія горы, покрытыя лѣсомъ и виноградниками, окаймляютъ городъ съ юго-востока. Жаль только, что онъ стоитъ такъ близко и на виду австрійцевъ, которые давно уже пошелкиваютъ зубами, желая его скушать и переварить потомъ на благо и пользу Дунайской монархіи.

На другой день рано утромъ, отправивъ свой багажъ на пристань, я медленно шагаль по кривымъ и гористымъ улицамъ на набережную р. Савы. Сѣвъ на пароходъ, идущій изъ Землина черезъ Бѣлградъ на Панчову, я вскорѣ покинулъ столицу Сербіи. Пароходъ обогнулъ цитадель и вошелъ въ Дунай.

Красивый городъ Бѣлградъ, когда смотришь на него со среды Дуная. Высоко на горѣ сверкаютъ купола церквей; неприступной кажется старая цитадель; въ живописномъ беспорядкѣ раскинулись по склонамъ горы дома, кое-гдѣ дымятъ фабричныя трубы...

А почти рядомъ виднѣется Землинъ, который, какъ кажется, вотъ-вотъ сольется съ Бѣлградомъ и поглотитъ его. Долгое время были видны эти два города и, наконецъ, за однимъ изъ поворотовъ рѣки скрылись.

На правомъ берегу зеленѣли сербскія горы, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись селенія, на лѣвомъ—далеко разстилалась венгерская равнина.

Вскорѣ пароходъ вошелъ въ означенное двумя маяками устье узенькой рѣчки Темеша. Минуть 15-20 тянемся мы тихимъ ходомъ по этой венгерской Яузѣ и, наконецъ, останавливаемся у пристани Панчовы — венгерскаго города, гдѣ только администрація венгерская; большинство жителей сербы, а меньшинство — нѣмцы.

Въ трясуемъ венгерскомъ вагонѣ я удалялся отъ зеленыхъ горъ Сербіи, омываемыхъ свѣтлыми водами Дуная.

Кругомъ разстилается однообразная и скучная равнина...

П—въ.

